

НИКОЛАЙ ГЕЙНЦЕ

В ДЕЙСТВУЮЩЕЙ
АРМИИ

Николай Гейнце
В действующей армии

«Public Domain»

1904

Гейнце Н. Э.

В действующей армии / Н. Э. Гейнце — «Public Domain», 1904

«Быть или не быть? Этот вопрос Гамлета восстаёт перед японским народом при мысли об исходе настоящей войны. Для Японии он вопрос политической жизни и смерти...»

Содержание

Предисловие автора	5
I. От Петербурга до Москвы	8
II. В сибирском поезде	11
III. Жизнь в поезде	14
IV. По Сибири	16
V. Через Байкал	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Николай Гейнце

В действующей армии

(Письма военного корреспондента)

Предисловие автора

Быть или не быть?

Этот вопрос Гамлета восстаёт перед японским народом при мысли об исходе настоящей войны.

Для Японии он вопрос политической жизни и смерти.

В течении десяти лет все экономические и умственные силы страны были направлены на приготовления к войне с Россией, на подогревание относительно этой войны общественного мнения, на электризацию народного патриотизма и шовинизма.

Теперь ни для кого ни тайна, что это было так, и что упорный десятилетний труд военных приготовлений дал соответствующие результаты.

Все иностранные военные агенты единогласно признают, что японская армия не уступает европейской, отличаясь, кроме того, азиатскою хитростью, восточным презрением к смерти и даже пожалуй зверством недавних дикарей.

Эти последние свойства – нельзя назвать их качествами – делают этого сильного врага особенно упорным.

И на долю России выпало встретиться с ним лицом к лицу, быть может вторично спасая Европу.

Почти сто лет тому назад она спасала её от западных завоевателей, теперь ей, как кажется, выпало на долю спасти от восточных.

И спасение это совершится!

Несмотря на вступление войны в затяжной фазис, в результате, конечно, будет победа над японцами, какою бы ценой жизнью её сынов и денежных затрат не пришлось России купить эту победу над сильным, напрягшим все свои силы врагом.

Иначе не может думать ни один истиннорусский человек.

Это сознают и японцы, и этим объясняется их ожесточение в этой войне.

Они не жалеют ни средств, почти последних, засыпая наши войска снарядами, приготовленными ими в громадном количестве, ни людей, которых они приводят «ханшином» и возбуждающими средствами в озверелое состояние.

Все раненые японцы, захваченные нами в плен, оказывались пьяными.

Если офицеры, воодушевлённые любовью к родине, избрали своим девизом «победа или смерть» и этот девиз находили вытатуированным у них на теле, то солдаты лезут на эту смерть под наркозом, хотя и в них нельзя отрицать сознания необходимости победить, чтобы не погибнуть.

Этим объясняется кровопролитность этой войны и продолжительность сражений, длящихся по несколько дней.

Этим объясняется и зверство их над нашими ранеными и даже пленными солдатами, факты которого констатированы официальными актами и не могут быть отнесены к плодам досужей фантазии корреспондентов.

Быть или не быть?

Этот вопрос читается между строк всех японских сообщений и приказов по армии.

Один из этих приказов говорит, что «лучше смерть, нежели плен», что «плен позор, а смерть слава».

Оттого-то японцы предпочитают сделать над собой «харакири», т. е. распороть себе живот или же разбить себе голову о камень, нежели отдаться в плен.

По словам пленных японцев, возвращение на родину для них невыносимо.

Там их ожидает смертная казнь.

Тяжело положение и их семейств в Японии – их окружает общее презрение.

При таких условиях понятно то остервенение, с которым они дерутся, не обращая внимания на потери в людях, лишь бы добиться хотя временного успеха.

И пока что они добиваются его страшно дорогой ценою.

Это борьба отчаяния!

Нетрудно предвидеть, каков будет конец её.

Гамлетовский вопрос Японии разрешится отрицательно.

Это единственный исход войны в более или менее отдалённом будущем.

Рано!..¹

Японец ликует, гордится успехом
«На русских навёл де я страх!»
Но эхо на это презрительным смехом
Ему отвечает в горах:

«Постой, желтолицый, не очень ли рано
Победу ты видишь в мечтах?
Забрался в средину ты русского стана,
Забыв о своих островках!»

То эхо невольно смущает японца,
Назад оглянулся со страхом в очах
И видит «страну восходящего солнца»
В кровавых и мрачных лучах.

Над ней надвигается туча за тучей,
И слышится грома раскат:
То – медленный, верный, как буря могучий,
Шаг русских «железных солдат».

Им вторят, как эхо, плеск волн океана
И клики победы на русских судах,
И шепчет японец: «действительно рано!»
«Банзай» замирает на робких устах...

Ляоян, 2 июля, Н. Э. Гейнце

¹ Напечатано в N 17 «Вестника Маньчжурской Армии».

I. От Петербурга до Москвы

Казалось бы, что писать отъехав всего шестьсот с чем-то вёрст от Петербурга до Москвы, употребив на эту поездку менее полусуток, добрые три четверти которых посвящено было сну. Однако мне посчастливилось.

Первое, что мне бросилось в глаза в вагоне – это стоявший на сетке чемодан одного из моих vis-a-vis – в купе мы ехали втроём.

Изящно сделанный, плоский, жёлтой кожи чемодан, с висевшей у замка таблеткой, на которой напечатано «The Miyako. Hotel Kyoto. Japan».

Я тотчас же понял, что уж и тут пахнет Дальним Востоком, теми местами, где льётся русская кровь, куда стремлюсь я, а ранее меня уже унеслись туда мои мысли.

И действительно, по счастливой случайности, моими vis-a-vis оказались д. с. с. таможенный ревизор при департаменте таможенных сборов Б. О. Вильчинский и инженер путей сообщения К. К. Иокиш.

Оба были в Маньчжурии, Порт-Артуре и Японии, а последний, выехал из Харбина 7 февраля нынешнего года.

Заинтригованный меня чемодан оказался принадлежащим ему.

К. К. Иокиш – один из строителей китайской дороги – занят теперь изданием большого альбома с видами этой дороги, постепенным ходом работ на ней, начиная с производившихся разведок, построек, временных рельсовых путей и строений.

Альбом будет издан в ограниченном количестве экземпляров и едва ли поступит в общую продажу.

Это очень жаль, так как по рассказам К. К. Иокиша в нём много интересного и поучительного.

По делу этого издания он и ехал из Петербурга в Москву.

Всё это выяснилось из беседы, которая, не успели мы отъехать от петербургского вокзала, быстро завязалась между мною и моими vis-a-vis по купе, когда я сказал, что еду на театр войны.

– Кто раз поехал на Дальний Восток, то оттуда не вернётся, – заметил К. К. Иокиш.

В этом послышалось для меня что-то устрашающее.

Я попросил объяснение.

Оказалось, что смысл этих слов был совершенно иной.

По словам К. К. край этот представляет такое широкое поприще для деятельности энергичных русских людей, что кто раз туда поехал, не пожелает оттуда вернуться – его потянет туда снова, если он приедет назад в Россию.

– Это именно поприще для деятельности совершенно честной, а между тем, страшно выгодной. Так, например, несколько лет тому назад, двенадцать инженеров сложились по пяти тысяч рублей и построили мукомольную мельницу. Теперь она даёт доходу 144.000 рублей в год.

Сам К. К. Иокиш приобрёл за бесценок береговую полосу на реке Сунгари в Харбине и владеет 52 десятинами и второй пристанью, первая казённая. Платил он по копейке за квадратную сажень, часть перепродал за 10 рублей, теперь эта земля стоит по 100 рублей кв. сажень. Купил он на занятые деньги, уплатил долг и остался большим собственником. У него уже хотят арендовать эту землю под мукомольную мельницу и между прочим, в числе претендентов на неё есть некто М., наживший в короткое время 15.000.000. Вся беда в том, что край был до сих пор наводнён разного рода русскими отбросами и авантюристами, которые любят жать там, где не сеяли; они-то и испортили наше отношение с китайцами, которые привыкли вести дела «на веру» – они доверчивы, но наученные рядом обманов становятся более чем осторожными.

– Вы давно из Маньчжурии?

– Я выехал из Харбина 7 февраля. Во время внезапной атаки порт-артурского флота в ночь на 27 января я был в Харбине. По сведениям, полученным нами из Порт-Артура впечатление этой атаки было потрясающее. Кстати я имею и самые последние известия из Порт-Артура от «последней порт-артурской дамы». Это жена штабс-капитана Шилкина. Она была последней русской женщиной, выехавшей оттуда и прибывшей недавно в Петербург. Живут там в казематах и погребках, и для женщин представляется опасность более от наглого и грубого ухода китайцев, простых «боев»², рабочих, чем от японских снарядов.

– Каково расположение Ляояна?

– Ляоян лежит в котловине, а от него в Харбин идёт равнина. До Ляояна вы не увидите живописных мест. Разве изредка рощицы, это непременно китайские кладбища – культ предков ведь развит в Китае в высокой степени.

– Говорят, при постройке китайской дороги много было разрушено китайских кладбищ и отсюда их озлобление.

– Это неправда. Несмотря на «культ предков», китайцы охотно соглашались переносить своих покойников на другое место, если дорога по изысканиям должна была пересечь кладбища, по восьми рублей за каждого покойника – деньги эти им уплачивали и они откапывали кости и переносили. Нерадивые из них часто по дороге эти кости теряли или просто разбрасывали нарочно – а отсюда и сложилась эта сказка о разрушенных китайских кладбищах и поруганных останках предков.

Разговор перешёл на пути сообщения в Маньчжурии.

– Вы испытаете прелести «арбы» – этого китайского прямо инквизиционного экипажа, особенно во время дождей по невылазной грязи. Наши колёса с плоским ободом рассчитаны, чтобы катиться по поверхности хотя бы грязи, тогда как колёса арбы режут грязь, отыскивая твёрдую почву; если наши проваливаются и образуют колеи, то можете себе представить, что делается с колёсами арбы и какой её ход по грязи... Более четверти часа выдержать этой пытки нельзя... Какое мученье для раненых, если их повезут на этих высоких огромно-колёсных катафалках. Лучше всего ездить верхом...

– А по железной дороге?

– Со станции «Маньчжурия» вагоны для пассажиров будут прицеплять к воинским поездам, по мере возможности. На станциях придётся ждать подолгу.

– На станции «Маньчжурия» найду я место, где отпереть чемодан и переодеться? Я сдал багаж до Маньчжурии... – спросил я.

– Едва ли, так как здание станции рассчитано на 30 человек, а собираются сотни... Впрочем, теперь вы всё это можете проделать на открытом воздухе... – ответил К. К.

– Я могу вам, быть может, помочь в этом – любезно сказал Б. О. Вильчинский. – Хотя теперь на станции «Маньчжурия» снята таможенная черта, но вероятно ещё остались некоторые знакомые мне таможенные чиновники, к которым вы можете обратиться от меня.

И, Б. О. дал мне свою визитную карточку.

И так у меня уж есть некоторые личная рекомендация.

Осведомился у моих любезных, но к сожалению, недолгих попутчиков о дороговизне тамошней жизни.

– Дорого, всё страшно дорого. Берите с собой консервы, ветчины... Там можно, особенно по дороге до Ляояна, рисковать не достать ничего даже на вес золота. Запасов вообще мало и всё с каждым днём дорожает. Что есть в большом количестве – это смирновская водка. В Порт-Артуре её целая гора, которая так и называется «гора Смирнова» – 6.000.000 ящиков.

² *англ.* Воу – Мальчик.

Кстати могу сообщить из полученного сегодня одним из моих знакомых москвичей письма из Иркутска, что от него до станции «Маньчжурия» начали ходить, ввиду опасности от хунзузов, блиндированные поезда, Статских людей пускают с трудом. В Иркутске сидят восемь газетных корреспондентов, среди которых несколько от московских газет.

II. В сибирском поезде

Еду пока со всеми удобствами и полным комфортом в отдельном купе сибирского поезда, проехали Моршанск, вечером будем в Пензе.

Со мной в одном поезде едут десять офицеров одесской железной стрелковой бригады во главе с полковником Леш и подполковником Томашевичем.

Они отправляются, по собственному желанию, вследствие вызова для пополнения убыли офицеров в 11 и 12 восточносибирских стрелковых полках, так героически ведших себя при сражении на Тюренченских высотах.

Теперь офицеры этой бригады едут заместить выбывших из строя и павших славную смертью на поле брани своих товарищей.

Все они явятся моими попутчиками до самого Ляояна, так как отправляются в распоряжение командующего маньчжурской армией.

Полковник Леш и подполковник Томашевич не первый раз уже едут на Дальний Восток – оба они участвовали при усмирении беспорядков в Китае в 1900 году, а последний был на Шипке в русско-турецкую кампанию.

Собираемся в салон-вагон, и разговор, конечно, идёт только о войне.

Никаких других интересов!

Читаются и перечитываются газеты, захваченные из Москвы и Петербурга.

– Ужели у нас не будет свежих газет, – слышится возглас.

– Мы уезжаем от газет, они нас не догонят...

– Однако местные, например в Пензе...

– Местные, конечно...

– Всё-таки прочтём телеграммы...

И в этом уж некоторое облегчение.

Обсуждается горячо бой при Цзинчжоу.

По мнению моих военных собеседников занятие японцами цзинчжоуских укреплений, которые мы им отдали, и которые стоили им вероятно в четверо или в пятеро более жертв, нежели это ими опубликовано, не представляет никакого значения в ходе осады Порт-Артура.

– Это передовые укрепления, временные, несомненно очень сильные, что доказывается множеством жертв, которыми они куплены, но за ними есть ещё несколько таких же укреплений, для взятия которых потребуется столько же, если не более жертв, прежде нежели японцы очутятся под стенами Порт-Артура, против его фортов, многие из которых вроде Электрической батареи, Золотой горы, Орлиной горы, Тигрового хвоста представляют из себя ограждённые крепости, совершенно неприступные. Для успешного штурма Порт-Артура надо положить сотню тысяч людей. Но допустим невозможное, что японцы ворвутся в Порт-Артур – ведь орудия на батареях могут быть повергнуты внутрь крепости, и тогда японцы очутятся под нашими выстрелами, как мухи в полоскательной чашке.

– Значит Порт-Артур взять нельзя?

– Нет крепости, которую нельзя было бы взять, при отчаянной храбрости войска и при колоссальной жертве людьми, но Порт-Артур построен по последнему слову фортификационной науки и в этом смысле действительно может быть назван неприступным. Это подтвердил такой военный авторитет, как генерал Куропаткин, который осматривал его ещё задолго до войны и в честь которого назван один из построенных там люнетов.

По поводу телеграммы из Парижа о том, что будто бы граф Келлер с большим количеством войска идёт на выручку Порт-Артура, мои собеседники выразили сильное сомнение в верности этого известия.

– Порт-Артур может выдержать осаду в течение целого года.

Разговор перешёл на хунхузов и образ действия китайцев.

– Несомненно, – сказал полковник Леш, – что среди так называемых хунхузов есть китайские солдаты, которые действуют с разрешения начальства. . . Это старая песня, ведь этот генерал Ма был помощником генерала Шу, с которым мы дрались в 1900 году. Он умер в плену в Иркутске. Ведь когда мы прибыли тогда в Китай, все эти так называемые «боксеры» или «большие кулаки» разбежались, и нам пришлось иметь дело с китайскими регулярными войсками, которые именовались «мятежными». Так мы и писали, а между тем, находили в захваченных обозах «императорские манифесты», в которых «сын неба» объявлял войну всем европейцам. Таков китайский мятеж «по императорскому манифесту». Эта же история, видимо, повторяется и теперь с якобы хунхузами.

Утром 18 мая, переехали величественный мост, через не менее величественную Волгу в Саратовской губернии.

У моста караул, состоящий из роты местного полка, с офицером во главе.

На Волге у моста целая флотилия лодок с солдатами, – они осматривают приближающиеся к мосту баржи и пароходы и пропускают их под мост только после тщательного осмотра.

Такие же, но не столь многочисленные караулы с унтер-офицерами во главе стоят и дальше у каждого, даже маленького мостика.

Построены для этого караульные домики и разбиты палатки.

Едем дальше по Самарской и Уфимской губернии, местность гористая, пустынная, кое-где попадаются татарские селения с мечетями, татары толкуются на станциях в белых пояровых шляпах.

Они осматривают наш поезд и всех нас, широко улыбаясь.

Татарские деревни очень неказисты, но попадающиеся изредка по пути русские посёлки ещё хуже: развалившиеся мазанки, полуприкрытые крышами из прогнившей соломы.

То и дело обгоняем воинские поезда.

Вид у солдат бодрый, здоровый, попадаются бородачи в летах – это запасные.

Слышится весёлый говор, смех, вызванный удачно сказанным метким словом, или прибауткою, вот разносится по степи, эхом откликаясь в горах, бравая русская, или специально солдатская песня.

С какую-то особою силою укрепляется в душе вера в мощь русского народа, сыны которого с таким, не только спокойным, но прямо радостным настроением идут помериться силами с врагами своего отечества, положить, если нужно, за последнее свои головы.

В этой естественной удали русского солдата, нет ни малейшей рисовки, это простое обычное настроение людей, не знающих страха и презирающих опасность, а это настроение – залог победы.

– Наш солдат – золотой солдат! – сказал мне подполковник Томашевский, о котором я уже упоминал. – Надо только уметь с ним обращаться. . . Его надо беречь, так как сам себя он не бережёт. . .

Трогательная сцена разыгралась при остановке в Пензе, где мы настигли первый воинский поезд.

Полковника Леш радостно приветствовал один из запасных нижних чинов, призванных на действительную службу.

Он был, как оказалось, фельдфебелем в роте, когда полковник Леш был штабс-капитаном.

Их полк стоял в Закаспийской области.

Полковник Леш тоже сразу узнал своего бывшего фельдфебеля и сердечно поздоровался с ним.

Солдатика искренно порадовала эта память начальства.

– Значит опять послужим. . .

– Рад стараться, ваше высокородие!

Полковник дал своему бывшему фельдфебелю два рубля.

– Напрасно беспокоитесь, ваше высокородие, не затем я подошёл... – отказывался солдатик.

– Знаю, знаю, а дают – так бери.

– Слушаю-с, ваше высокородие...

И солдатик опустил рубли в карман шинели.

Что-то тёплое, сердечное сказалось в этой сцене, в этих отношениях солдата к офицеру.

Не могу не привести маленькой беседы с одним из моих спутников-офицеров, касавшейся так сказать литературной, если можно так выразиться, стороны войны.

Для многих штатских людей это будет новостью.

Мой собеседник во время китайского похода 1900 года был полковым адъютантом.

– Мне пришлось тоже много писать... – сказал мне он.

– Писать? – удивился я. – На войне? Во время похода?

– Да именно! Ведь на обязанности полкового адъютанта лежит вести «Журнал военных действий», где записывают все переходы полка, переправы, действия полка во время сражений, причём в журнал же заносятся кроки пройденных местностей... Работа тяжёлая, кропотливая и ответственная...

– Для чего же служит этот «журнал»?

– Прежде всего для истории полка, как материал, затем для соображений начальствующих лиц, по поводу наград, а в общем все журналы представляют из себя драгоценный материал для истории той или другой войны.

Это, действительно, материал драгоценный!

III. Жизнь в поезде

Четвёртый день в дороге, живём, так сказать, в поезде.

Всего человек около сорока пассажиров, из которых тридцать два едут в Маньчжурию, тридцать военных, – среди них два врача, поляк и еврей, и один интендантский чиновник да двое штатских; С. Соколов, у которого своя мукомольная мельница в Харбине, работающая теперь исключительно для продовольствия войск, и я.

Все, конечно, перезнакомились между собой и за чаем, обедом и ужином в вагоне-ресторане идёт оживлённая беседа.

Ни одной дамы, что повергает в некоторую печаль молодых офицеров.

– Знаете, женщины, они всё-таки оживляют! – говорил мне молоденький, симпатичный подпоручик.

Лица его молодых товарищей доказывают, что они согласны с этим мнением.

На станциях больше, как он выражается, «пейзанки», появление изредка местных дам производит сенсацию, хотя пока физиономии этих дам, как говорится «для некурящих».

Выделилась на одной из станций молоденькая, видимо интеллигентная татарка, которую юный и пылкий подпоручик хотел угостить шоколадом, но побоялся её папаша.

Погода стоит тёплая и дождливая, но дождей здесь ждали давно – это были первые на Урале, где была до сих пор жара.

Воздух дивный.

Мы вышли на станции Шафраново и пришли прямо в восторг.

Это было поздним вечером – нас очаровал какой-то чудный аромат, который оказался запахом цветущей липы и грецкого ореха.

Чудная ночь, и в кустарниках заливаются соловьи.

Всю ночь почти не спали: ждали раннего утра, чтобы не пропустить уральских гор и перевала из Европы в Азию.

Величественная картина природы!

Поезд несётся со скоростью 50 вёрст в час мимо отвесных скал огромной высоты, вдруг открывается восхитительная панорама гор, покрытых лесом, ущелий, по которым серебряной лентой пробегают быстрые речки.

И почти нигде не видать человеческого жилья.

Точно человек, сознавая своё ничтожество, убежал от этого спокойного величия природы, боясь нарушить её торжественный покой.

Только поезд, этот представитель человеческой культуры, быстро несётся мимо, отравляя чудный смолистый воздух едким дымом нефти.

Но вот Урал остался позади, подъезжаем к Челябинску, откуда уже едем по военному графику, т. е. расписанию.

В Челябинске простояли пятьдесят минут и, наконец, получили телеграммы Российского телеграфного агентства и некоторые местные газеты.

Нет дам – это ещё с полгоря, но нет газет – это уже целое горе.

Это лишение чувствуется всеми, в ком даже не бушует кипучая кровь молодости.

Телеграмма из Мукдена подтвердила общее мнение моих военных спутников, что японцы, принёсшие столько жертв для взятия Цзинчжоу, не выиграли почти ничего в смысле шансов относительно Порт-Артура.

Запах нефти сменился ещё более отвратительным запахом – оказывается, что от Челябинска паровоз топится местным каменным углём, добытым на Оби.

На станции Чумляк должны были встретиться со скорым сибирским поездом, идущим из Иркутска, но он, оказалось, опоздал на восемь часов.

Какая причина – неизвестно!

Предполагают, что задержка произошла близ Иркутска.

Несмотря на отсутствие дам и газет, едем весело, то и дело обгоняем войска, производящие своим видом какое-то бодрящее впечатление.

Даже запасные нижние чины все молодец к молодцу.

По словам полковника Леша, запасные нижние чины едут для поступления в запас действующей армии, из которого будут пополнять убыль в той или другой части, так что все кадры действующих войск будут всегда в полном комплекте.

– Это очень хорошо! – сказал он мне. – В русско-турецкую войну у нас не было запасных войск, и это делало большие затруднения.

Едем от Челябинска, как я уже писал, не только по военному расписанию, но и так сказать, на военном положении.

Все мосты, охраняются часовыми в папах и с винтовками.

При проезде по большим мостам двери и окна вагонов затворяются наглухо.

– А если окно. будет отворено? – спросил я заведующего нашим поездом.

– Поезд будет остановлен часовыми, – отвечал он.

– Каким образом?

– Выстрелом.

– Не было такого случая?

– Нет, пока не было.

Часовые также охраняют и все водосточные трубы, идущие под железнодорожной насыпью.

После Петропавловска начались степи – однообразная, унылая картина.

Кое-где виднеются жиденькие рощицы и мелкий кустарник.

Всюду на станциях войска и войска.

В Омске у нас прибавились пассажиры.

В поезд село 4 офицера и полковник Рыковский, известный тем, что в китайскую войну 1900 года пришёл на выручку отряда есаула Ельца и освободил иностранные миссии.

За это он был награждён орденами св. Владимира, Станислава с мечами, почётного легиона, бельгийским и папскими орденами, ввиду того, что католические миссии принадлежали к этим национальностям.

Все мои спутники-офицеры бодры и веселы, точно мы совершаем увеселительную прогулку, и едем не на театр войны.

Иногда только послышится фраза:

– Если придётся вернуться...

Но она производит какое-то мимолётное впечатление.

Снова слышатся смех, рассказы, остроты, льётся оживлённая беседа, поднимаются тосты.

Вчера на мой тост за нашу доблестную армию, полковник Леш любезно ответил тостом за другую тоже сильную армию – русскую печать.

Нечего и говорить, что все предлагаемые тосты сопровождаются восторженным «ура», которое оглашает стены вагона-ресторана.

Запоздавший скорый поезд из Иркутска на конец встретили.

С ним ничего не случилось – он просто сбился с расписания и принуждён был выжидать на станциях.

Кстати о сибирских скорых поездах.

Они далеко не соответствуют тем описаниям, которые появились в печати.

Кухня в ресторане отвратительна и безумно дорога.

Добраться бы хоть до Мукдена!

IV. По Сибири

Едем, всё едем!

Несмотря на комфорт «сибирского поезда», становится утомительно.

Все как-то осовели и ослабли.

К тому же наступили жары – в вагонах душно, а на станциях целые тучи комаров, жалящих немилосердно.

А впереди ещё очень далёкий и очень трудный путь.

Предполагается, что мы приедем в Ляоян не раньше пятого июня, если не будет задержки в поездах, так как от станции Маньчжурия поедem с воинскими поездами, единственными, которые там ходят.

Прибыли в Омск, где я неожиданно встретился с петербуржцем, капитаном Шлейфером, временно командированным сюда в управление по передвижению войск.

В Омске прибавились пассажиры, – село несколько офицеров и два военных доктора и несколько штатских.

Последние едут до станции Тайга, откуда идёт ветвь на Томск, или до Иркутска.

Между Омском и Обью лежит станция Каинск, названная по городу.

Подъезжая к ст. Обь, нам бросился в глаза неубранный с прошлого года на полях хлеб в снопах.

Но вот и станция Кривошеково, названная так по имени раскинувшегося по берегу многоводной Оби огромного села, переименованного теперь в уездный город Ново-Николаевск.

У этого города наверное есть блестящая будущность.

В нём теперь насчитывается свыше 30.0000 жителей.

Железнодорожный мост через реку Обь грандиозное сооружение.

Над ним работало 40.000 человек.

Большинство из них и поселилось в Ново-Николаевске.

В молодом городе две церкви, полицейское управление и несколько каменных лавок.

Проехав ещё шестьдесят вёрст, остановились у станции Паламошинное.

Станция эта замечательна тем, что при земляных работах здесь был найден полный скелет мамонта.

Скелет этот в настоящее время находится в зоологическом музее в Петербурге.

Движение по Сибирской дороге, теперь преимущественно воинских поездов, огромное.

Понастроено для этого множество новых разъездов, которые, так сказать, являются следом проезда в Маньчжурию и обратно министра путей сообщения князя Хилкова.

В будущем, конечно, будет построен второй путь – все большие мосты приспособлены в этом смысле.

На станции Паламошинное мы обогнали санитарный отряд харьковского губернского земства.

Он состоит из сто двадцати человек – 12 врачей, 28 фельдшерлиц и 12 сестёр милосердия и санитаров.

Выехали они из Харькова 4 мая.

Сёстры все пожилые, так как молодых сестёр на театр войны не берут, но среди фельдшерлиц есть совсем молоденькие, – лет семнадцати-восемнадцати.

Их обступили наши молодые офицера и стали угощать шоколадом и конфетами.

Но десятиминутная стоянка нашего поезда быстро кончилась, и юные фельдшерлицы промелькнули мимо наших молодых людей, как «мимолётные виденья».

Быть может, ввиду полного отсутствия женского общества в нашем поезде, они даже показались им «гениями чистой красоты».

Молодые офицеры со вздохами вскочили в начавшиеся уже двигаться вагоны. Наконец прибыли на станцию «Тайга», лежащую в 105 верстах от Томска.

Инженеры почему-то нашли неудобным провести дорогу около самого Томска и оставили его в стовёрстном расстоянии от великого сибирского пути.

Томичам пришлось на свой счёт провести к себе отдельную ветку, дабы, как университетскому сибирскому городу, не ударить в грязь лицом и соединиться с путём, разносящим по Сибири и далёкой Маньчжурии русскую культуру.

Об этом обходе Томска держатся здесь разные слухи.

По словам одних, томичи чем-то разгневали г-д инженеров, по словам других, около Томска дорогу провести было нельзя по совершенно, будто бы, основательным техническим соображениям и т. д.

Одним словом объяснений не оберёшься.

Со станции «Тайга» наш поезд снова увеличился несколькими пассажирами – офицерами, догоняющими уже проехавшие в воинских поездах свои эшелоны.

Наконец мы в Иркутске, куда прибыли, опоздав на несколько часов, благодаря тому, что на станции Чернореченской простояли более двух часов, ввиду поломки локомотива товарно-пассажирского поезда, загородившего нам путь.

Пока послан был другой паровоз, пока свели поезд с нашего пути, прошло много времени.

Как я уже писал, начиная от Челябинска мы едем, так сказать, на военном положении: все мосты и водосточные трубы, словом, весь путь охраняется часовыми.

Обгоняем множество воинских поездов и товарных с военными и морским грузами.

На всех станциях, кроме того, охранные войска.

Таких войск до Ляояна насчитывается 30.000 человек.

По слухам, эти-то войска будут заменены сибирским ополчением и двинуты на театр военных действий.

Ведь это целая армия!

Там они будут много полезнее, и туда они рвутся и душой и сердцем.

Какие всё brave молодцы!

Офицеры в нашем поезде всё прибавляются; некоторые едут в распоряжение командующего войсками, а другие догоняют свои части, едущие с воинскими поездами.

При приближении к Красноярску начались отроги Саянских гор – виды очень красивы. Несмотря на жару в некоторых местах лежит снег.

Вот и Красноярск, в котором я служил три года и который покинул семнадцать лет тому назад.

Я не узнал его, так он обстроился и изменил свою физиономию.

Красивый вокзал, но на платформе нет проходу от нищих, калек, безруких, безногих, Бог весть откуда выползающих к приходу поездов.

Следовало бы убрать их!

Двинулись из Красноярска, переезжаем грандиозный шести пролётный мост через широкий Енисей и мчимся далее.

Мелькают станции за станциями с многочисленными промежуточными разъездами.

Вообще сибирский поезд N 7, которым мы следуем, оставляет желать лучшего.

Купе малы, в них страшная духота.

Дороговизна в буфете страшная.

За полпорции сливочного масла – кусочек в два золотника – 20 коп., т. е. вгоняют фунт масла в 9 р. 60 коп., а стоимость его здесь 30-40 коп. фунт – крестьянки продают на станциях.

После Красноярска в ресторанной карте кушаний появился рябчик в сметане – 90 коп., а рябчики куплены на станции за 16-20 коп. штука.

И на все кушанья такой наживной процентик!

Приехали на Нижнеудинскую станцию, – город Нижнеудинск, Иркутской губ. отстоит от неё в полуверсте и внешним видом напоминает Каинск.

Но вот и Иркутск.

Множество громадных каменных домов, прямые, чистые, хорошо вымощенные улицы.

В нём 60.000 жителей, среди которых много «сибирских крезов».

В нём – две мужских и три женских гимназии, духовная семинария и техническое училище.

Хороший каменный театр, множество магазинов, пассажей, ни в чём не уступающих столичным.

Здесь мы вероятно останемся, говоря военным языком, на днёвку.

Не хочется и неудобно отставать от попутчиков – офицеров стрелковой бригады, тем более, что полковник Леш, едущий во главе их, любезно обещал мне всякое содействие по дальнейшему передвижению от Иркутска до ст. Маньчжурия.

Иначе меня могут и задержать, а тут всё-таки некоторые шансы приехать скорее.

V. Через Байкал

В Иркутске предположенная днёвка не состоялась, так как опоздавший на пять часов «сибирский экспресс», чтобы поправить свою ошибку, повёз нас после часовой остановки до озера Байкала.

Мы все решили ехать на нём далее, не соблазнившись отдыхом в столице Сибири.

Путь всё шёл по берегу величественной Ангары.

Мы любовались восхитительными видами цветущих полей и синеющих вдали гор.

Ангара по ширине равняется Енисею, а в некоторых местах и Иртышу.

Особенность этой реки – не поднимающаяся даже в самое жаркое лето выше нуля температура.

Вода её прозрачна, как кристалл, течение очень быстро, её истоки находятся у Верхне-Ангарска и состоят из маленьких болотистых речек.

Впадает она в реку Енисей около города Енисейска.

В Ангаре множество рыбы и, по словам сибиряков, очень вкусной.

На одной из первых станций от Иркутска мы встретились с поездом, в котором под военным конвоем везли 21 японца и корейца и несколько японок и кореянок.

Это жители Ляояна, высланные на жительство в Красноярск вследствие своей неблагонадёжности.

Но вот и Байкал – он дал о себе знать сильным охлаждением температуры при приближении к нему, хотя и воды красивой Ангары давали уже некоторую свежесть.

При стоявшей жаре это было более чем приятно.

На Байкале ожидали нас пассажиры почтового поезда, прибывшего туда за пять часов ранее, и огромный пароход «Ангара».

Ледокол «Байкал», принимающий в себя поезд и перевозящий его через озеро, уже ушёл и мы встретили его на озере возвращающимся обратно.

Это замечательно грандиозное судно.

Носильщики перенесли вещи на пароход, и мы поплыли по Байкалу, поверхность которого была гладка как зеркало, а цвет воды совершенно изумрудный.

Среди сибиряков есть много легенд об этом озере-море.

Говорят, прежде всего, что оно образовалось от провала Ангары, и действительно глубина его поразительна.

В некоторых местах, двухвёрстный лот не достаёт дна.

Правая сторона озера вся сплошь покрыта лесистыми горами, на которых до сих пор лежит снег.

Одна из этих гор напоминает очертаниями человеческую голову.

На неё указал мне один из местных жителей, ехавший в Читу.

– Бурятская легенда, – сказал он, – говорит, что один бурятский святой постоянно молился около этого места, простаивая на коленях по целым суткам, Великий Дух, довольный такой усердной молитвой, обратил его в скалу и поставил на страже любимого им моря.

Гору эту буряты считают святыней и по праздникам собираются сюда молиться, бросая каждый раз в море то медную, то серебряную, а то и золотую монету.

По слухам, у подножие этой скалы накопилось много денег.

Явились русские смельчаки, которые пытались добыть их, но без успеха.

Сообщили мне также и интересную особенность этого озера-моря.

Всякий предмет, брошенные в него и утонувший, через несколько дней выбрасывается на берег.

Вследствие этого ни один из утонувших людей не остаётся долго на дне, а выбрасывается на берег.

Осенью в непогоду Байкал страшен своим бурным волнением.

Недаром за ним установилась и репутация, и название Чёртова озера.

Переехали мы Байкал, прибыли на пристань Танхой.

Совсем китайское название.

Оказывается же, – по словам служащего на этой дороге, – что это испорченное чисто русское слово.

В этом месте берег Байкала образует очень тонкий мыс, и рабочие ещё при производстве разведок дороги назвали её «тонкой», делая ударение на последнем слоге, а отсюда произошло название пристани и первой станции «Танхой».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.